О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения

© 2023

Сурен Тигранович Золян
Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия;
surenzolyan@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются возможности развития семиотической теории, основанной на принципе асимметричного дуализма С. Карцевского. Показано, что несмотря на определенные отличия от теории знака Соссюра, Карцевский также основывается на принципе дифференциации, но дополняет его динамическим пониманием внутрисистемных отношений. Это создает возможность построения многомерных семиотических моделей, описывающих, каким образом благодаря асимметричному дуализму знака порождаются новые смыслы. Семантика языкового знака рассматривается как находящаяся в состоянии динамического равновесия структура. Тем самым уточняется введенное Карцевским понятие транспозиции, которое дополняется понятием диспозиции (состояние исходного семиозиса).

Ключевые слова: история лингвистики, Карцевский С. О., семиотика, де Соссюр Ф., структурализм, языковой знак

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта, Калининград, Россия.

Для цитирования: Золян С. Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 151–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168

Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions

Suren T. Zolyan
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; surenzolyan@gmail.com

Abstract: We address a possible development of a semiotic theory based on the principle of asymmetric dualism proposed by S. Karcevski. We identify its differences from the Saussurean view of sign and demonstrate that, while Karcevski adopts the principle of differentiation, he supplements it with a dynamic understanding of intrasystem relations. This makes it possible to construct multidimensional semiotic models describing how new meanings are generated due to the sign's asymmetric dualism. We consider the semantics of linguistic sign as a structure in the state of dynamic equilibrium. Thus, we clarify Karcevski's concept of transposition, supplementing it with a concept of disposition (situation of the initial semiosis).

Keywords: history of linguistics, Karcevski S., linguistic sign, de Saussure F., semiotics, structuralism

Acknowledgements: This research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project 22-18-00591 "Pragma-semantics as an interface and operational system of meaning production".

For citation: Zolyan S. T. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 151–168.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168

Коса то украшает темя, спускаясь на плечи, то косит траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.

Велимир Хлебников

1. Языковой знак как асимметричное отношение

Многочисленные исследования языкового знака показывают, насколько разнообразны могут быть отношения между означаемым и означающим, почему и их статичное рассмотрение не может считаться адекватным. Однако эти наблюдения не привели к пересмотру концепции, по сути повторяющей ту концепцию знака, которая была предложена еще стоиками, как некоторой конвенционально закрепленной связи между означаемым и означающим[1]. Изменение одного из этих компонентов создает новый знак — омонимичный прежнему, если изменяется означаемое, и синонимичный, если изменяется означающее.

Однако такое понимание не может отразить процессы динамического взаимодействия различных смыслов, сгруппированных внутри или вокруг одного означающего. Тождественность означающего удерживает протекающие процессы семантического взаимодействия в рамках единого полисемичного комплекса, в большинстве случаев не позволяя ему распасться на знаки-омонимы. Так, лексема *университет* может означать *университет-институцию*, *университет-коллектив, университет-здание*, что принято рассматривать не как группу омонимов или значений многозначного слова, а как изменения означаемого в результате его взаимодействия с контекстом, почему они и не фиксируются в словарях. Между тем, если бы эти значения могли быть выражены посредством другого означающего, то они были бы признаны по крайней мере отдельными значениями[2]. Возможно и противоположное явление, когда замена означающего не приводит к изменению означаемого. Это с особой наглядностью проявляется в случае супплетивных форм (так, словоформы *человек — люди* реализуют один и тот же знак при полном несовпадении означающих). В принципе уже само словоизменение также может быть рассмотрено как пример своеобразной многозначности (регулярное варьирование означающего при сохранении лексического значения и варьировании грамматического).

---

[1] Как пишет Секст Эмпирик, «неразрывно связаны три вещи: обозначаемое, обозначающее и реальный предмет. Обозначающим, как правило, бывает слово, например, “Дион”. Обозначаемое — та [смысловая] предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании и которую не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово. Наконец, реальный предмет — это внешний объект (το έκτος υποκειμενον), например, сам Дион. Из трех перечисленных элементов два телесны — слово и реальный предмет, а один бестелесен — это обозначаемая смысловая предметность или лектон [чистый смысл]» [Фрагменты 1999: 82–83]. Как указано в комментарии: «Поскольку лектон определяется как мыслимая предметность, ясно, что мы имеем дело с таким смыслом, который может быть выражен вне прямого отношения к конкретной ситуации. Ясно также, что в отличие от платоновских эйдосов, конституирующих и оформляющих субстрат, ⟨…⟩ “лектон” есть констатирующий или корреспондирующий смысл, который указывает на денотат, раскрывает его значение, но не оказывает на него никакого воздействия» [Там же].

[2] Ср.: «Одним из важнейших принципов языковедения является следующий: из того факта, что данное слово отражает две или несколько разных физических или психических действительностей, не всегда следует делать заключение о его многозначности (полисемии) ⟨…⟩ В каком же случае можно говорить о действительном влиянии контекста на значение? Изменение смысла слова внутри контекста заметно тогда, когда оно совпадает со значением другого, существующего в языке слова (или оборота) или когда образуется семантическое отношение между данным словом и другим словом, повторяемое в системе данного языка» [Курилович 1962: 241].

Эти, казалось бы, очевидные для лингвиста положения недостаточно учитываются при определении языкового знака. При всем отличии концепций знака Фреге, Пирса и Соссюра все они исходят из «стоического» понимания [Суровцев 2016], при котором не предполагается возможность семантических взаимодействий внутри самого знака. Все эти концепции можно назвать принципом симметричного дуализма языкового знака: они исходят из того, что изменение означаемого влечет изменение означающего, и наоборот. Динамика допускается как возможность создания нового знака путем изменения либо означающего, либо означаемого. Даже в идущей от Луи Ельмслева концепции метаязыковых и коннотативных трансформаций знака [Ельмслев 1960] недостаточно прояснен вопрос — имеем ли мы дело с порождением новых знаков или же с преобразованием одного и того же.

Между тем хорошо известен и противоположный подход. В статье, написанной по-французски и впервые опубликованной в 1929 г. в первом выпуске Трудов Пражского лингвистического кружка (там же, где были напечатаны Тезисы ПЛК), Сергеем Карцевским был сформулирован принцип асимметричного дуализма языкового знака:

> «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают по всем точкам: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является виртуально “омонимом” и “синонимом” одновременно, это значит, что он образован пересечением этих двух серий мыслительных явлений» [Карцевский 2004а: 239].

Тем не менее, несмотря на его известность, этот подход вряд ли можно считать пустившим глубокие корни в лингвистике и семиотике. Возможно, из опасения: не приводит ли подобное расширение концепции асимметричного дуализма к размыванию самого понятия знака? Из принципа асимметричного дуализма языкового знака следует возможность как бесконечной омонимии, так и бесконечной синонимии: каждый знак потенциально может выражать любое значение, омонимичное самому себе и синонимичное какому-либо другому знаку. В этом случае можно представить *шалтай-болтайный* язык, состоящий из одного знака, который может выразить любое значение и тем самым не иметь какого-либо закрепленного за ним[3]. Образец такого языка в свое время был приведен в работе [Волошинов 1930: 113] — это достаточно часто цитируемый фрагмент из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского[4]. Но Волошинов (или Бахтин) не приводят начало этого отрывка, где Достоевский указывает на обстоятельства, приводящие к появлению этого языка: их можно, в духе Карцевского, охарактеризовать как предельное ограничение на «означающее» для выражения максимально возможных «функций», а именно: неограниченного *наплыва мыслей и чувств*[5].

---

[3] Гипотетический пример такого языка и его ограничения был приведен Крессвеллом: «Это своего рода радикальный шалтай-болтайный язык, в котором слово означает то, что пользователь имеет в виду. Причина, по которой это не сработает для нормальных человеческих существ, заключается в том, что очень часто нет независимого способа выяснить, что человек имеет в виду, кроме как через то, что он говорит» [Cresswell 1972: 10] (здесь и далее перевод мой. — *С. З.*).

[4] «Однажды в воскресенье, уже к ночи, мне пришлось пройти шагов с пятнадцать рядом с толпой шестерых пьяных мастеровых, и я вдруг убедился, что можно выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие рассуждения одним лишь названием этого существительного, до крайности к тому же немногосложного ⟨…⟩ Итак, не проговоря ни единого другого слова, они повторили это одно только, но излюбленное ими словечко шесть раз кряду, один за другим, и поняли друг друга вполне. Это факт, которому я был свидетелем» [Достоевский 2011: 169].

[5] «Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесятеряется. А потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворять этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого» [Там же].

Можно представить также и еще более экзотичную конструкцию, «медвежий язык», где любой знак имеет одно и то же значение[6]. Подобием такого языка можно считать математику, все его выражения суть тавтологии: «Все предложения логики говорят одно и то же. А именно ничего» [Витгенштейн 1958: 69]. Примерно такая интерпретация основной идеи Карцевского была предложена Яном Мукаржовским: «В идеале, все что угодно может быть обозначено любым словом, и напротив, каждое слово может обозначать все что угодно» [Mukařovský 1977: 44]. Подобная ситуация может быть перенесена и на коммуникацию в целом: асимметрия знака переносится на асимметрию между семантическими стратегиями говорящего и слушающего, и это реализуется в асимметрии осуществляемой ими семантизации сообщения. В экстремальных случаях для говорящего весь словарь будет состоять из потенциальных синонимов, а для слушающего любое слово говорящего может быть интерпретировано как потенциальный омоним [Steiner 1982: 505].

Для приближения ситуации к реальному состоянию языка Карцевский предлагает рассмотреть гипотетическую дихотомию между, с одной стороны, языком, состоящим из «этикеток», а точнее, имен собственных (нечто подобное «идеальному языку» в представлениях логических неопозитивистов), а с другой — языком, состоящим из знаков-индексов, значение которых определяется исключительно контекстом. Знаки в естественных языках предстают как их гибридная форма:

> «Если бы знаки были неподвижны и имели лишь одну функцию, язык превратился бы в простой набор этикеток. Но точно так же невозможно представить себе язык, знаки которого были бы настолько подвижны, что не обозначали бы ничего вне конкретных ситуаций. Из этого следует, что природа лингвистического знака должна быть одновременно устойчивой и подвижной. Призванный приспосабливаться к конкретной ситуации, знак может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части, он оставался тождественным самому себе» [Карцевский 2004а: 239–240].

Заключающая статью Карцевского схема призвана проиллюстрировать ее основные положения: это две движущиеся параллельно оси, значения и звучания (см. рис. 1).

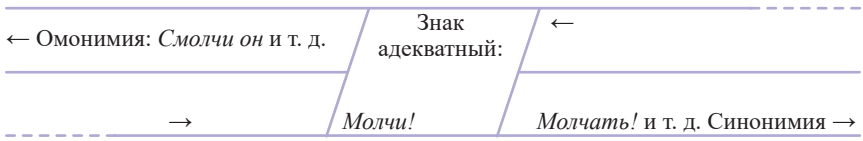

Рис. 1. [Карцевский 2004а: 244]

Знак (в данном случае императив «Молчи!») возникает как линии пересечения между ними, как нечто, что противостоит разнонаправленному движению обеих осей, и связь между означаемым и означающим оказывается не жестко фиксированной, а изменчивой. Она определена лишь относительно некоторого момента возникающего «неустойчивого равновесия»:

> «Означающее (звуковое) и означаемое (функция) постоянно скользят по “наклонной плоскости реальности”. Каждое “выходит” за рамки, определенные для него партнером: означающее стремится приобрести иные функции, кроме своей собственной; означаемое стремится найти другие способы выражения, кроме своего знака. Они асимметричны; спаренные, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия» [Карцевский 2004а: 245].

[6] Если предыдущий язык Крессвелл назвал шалтай-болтайным, то противоположный ему мы называем «медвежьим», видя прототип в пословице «Семь песен у медведя, и все они о меде».

Нетрудно заметить, что схема Карцевского есть модификация хрестоматийного рисунка Соссюра[7] (рис. 2):

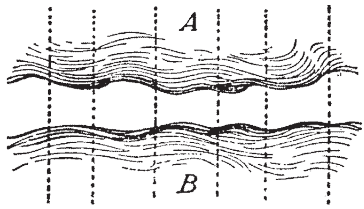

Рис. 2. [Соссюр 1916/1977: 114–115]

Соссюр прилагает следующее объяснение: «…Мы можем изобразить язык во всей его совокупности в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий (А), так и в столь же неопределенном плане звучаний (В)» [Соссюр 1916/1977: 114–115].

Сравнение этих схем выявляет важное отличие: у Соссюра и план выражения, и план содержания, и отношения между ними статичны, они фиксированы относительно некоторого момента сопряжения ментальных и фонетических параметров. У Карцевского речь идет об означаемом и означающем, и не о субстанции, а скорее о *форме* выражения и *форме* содержания, что подчеркнуто использованием слова *функция* вместо *значение*. Обе оси *скользят* и при этом стремятся выйти из *рамок*, предназначенных им их визави. Упоминание *рамки*, видимо, навеяно статичной картиной — предполагается, что есть некоторое исходное состояние, применительно к которому можно выделить те «собственные» функции и средства выражения означающего и означаемого, которые формируют «знак адекватный». Однако у Карцевского отсутствует описание того, как они возникают. Можно предположить, что Карцевский отталкивался от схемы Соссюра, в которой он увидел описание того, как возникают *рамки* (*сегментации* — по Соссюру) и *адекватный* знак, а также *собственные* функции и средства выражения знака, почему и не счел нужным останавливаться на этом. Но Карцевский вносит весьма существенное дополнение: отношение между означаемым и означающим мыслится как похожее на динамическое взаимодействие и *скольжение* (не совсем понятный эпитет *наклонная*, видимо, указывает на наличие также и некоторой вершины). Именно на динамический характер подхода Карцевского как наиболее существенное отличие от концепции Соссюра указывают практически все сравнивавшие их исследователи [Jakobson 1956: 12–13; Поспелов 1957: 49; Steiner 1981:419; Кузнецов 2010: 157–165; Pila 2011: 153–154]. Если отвлечься от объяснимого воздействием общей атмосферы тех лет полемического тона и характеристики женевской школы в целом как статической, следует согласиться с Н. С. Поспеловым, проницательно увидевшим возможности радикального изменения соссюрианской семиотики языка вследствие развития принципа асимметричного дуализма:

> «Эта идея делала для него тесными рамки канонического соссюрианства и постоянно звала его к построению такой структуральной теории, которая, не ограничиваясь синхронным анализом, дала бы возможность вскрыть факторы развития в языке

[7] Именно Карцевский, вернувшись из Женевы в 1917 г., познакомил русских лингвистов с «Курсом» Соссюра [Jakobson 1962: 631]. Монография Карцевского о глаголе открывается посвящением: «С огромной благодарностью мы вспоминаем уроки нашего учителя г-на Шарля Балли, а также советы г-на Альбера Сешэ и лекции Фердинанда де Соссюра» [Карцевский 2004б: 32], а сам текст — цитатой из Соссюра: «Язык — это форма, а не субстанция» [Там же: 39]. Уже через неделю после выхода «Курса общей лингвистики» в свет Карцевский выражает намерение сделать перевод книги на русский язык и просит для этого разрешения у издателей [Фужерон И., Фужерон Ж. 2018: 245]; см. также: [Jakobson 1956; 1962; Hirschkop 2019].

живых и продуктивных его категорий ⟨…⟩ Карцевский, в сущности, изнутри взрывает концепцию статической лингвистики женевской школы. Но он сделал только первый шаг в этом направлении, вскрыв в самом единстве означающего и означаемого глубокий внутренний конфликт» [Поспелов 1957: 56, 49].

2. Асимметричный дуализм как динамическое равновесие

К сожалению, данные Карцевским почти что в тезисной форме положения теории асимметричного дуализма не были развернуты им в полной мере, а приведенные чуть выше термины остались без эксплицитного определения. Об этом писал близко знавший Карцевского Роман Якобсон[8]; об этом говорится уже в первом в советской лингвистике глубоком и обстоятельном обзоре научного наследия Карцевского[9]. Попытаемся хотя бы приблизительно уточнить несколько импрессионистично представленное Карцевским понимание отношения между означаемым и означающим как динамического (*неустойчивого*) равновесия. Эта дихотомия у Карцевского дополняется отношением подвижности и неподвижности (так можно понимать *скольжение*). Это можно отразить следующим образом. Представим, что есть исходная ситуация, при которой один знак пробегает по всем точкам оси значений, но будучи закреплен только за одной точкой оси звучаний. В другом случае ситуация обратная: знак пробегает по всем точкам оси звучаний, но закреплен за одной точкой оси значений. Как уже было сказано, в первом случае у нас будет некий шалтай-болтайный язык, состоящий из одного знака, который выражает все возможные смыслы, Во втором — это «медвежий» язык, состоящий из бесконечного количества знаков, но все из них выражают только один смысл. Поскольку оси разнонаправленны, то уникальный знак шалтай-болтайного языка (например, *Молчи!*) в процессе движения будет постоянно сталкиваться с двигающимися в противоположном направлении знаками «медвежьего» языка. Точки (точнее — интервалы) столкновения этих знаков образуют то, что можно назвать словами языка — как ассоциацию между одним из означающих и одним из означаемых, взятых из этих интервалов. Сказанное можно схематически выразить как дополнение к рисунку Карцевского: интервалом, с одной стороны, явятся все потенциальные значения, выражаемые словоформой *Молчи* («шалтай-болтайная» ось омонимов), а с другой — все выражения, означающие приказ «Молчать» (наверное, в том числе и не приводимые Карцевским выражения *Цыц*, *заткнись* и т. п.), — это будет «медвежья» ось синонимов. Сама форма *Молчи*, видимо, мыслилась Карцевским как «адекватный знак», а все остальные, образующие некоторый интервал — как транспозиции (см. ниже). Так реализуется идея Карцевского: все слова этого нового языка будут одновременно и синонимами, и омонимами. Если прослеживать знаки по шалтай-болтайной оси, то все они будут «омонимической серией» [Карцевский 2004а: 242], трансформациями уникального шалтай-болтайного знака. На «медвежьей» оси они окажутся синонимической серией трансформаций некоторого уникального означаемого. Разумеется, такая абсолютная синонимия и омонимия есть лишь некоторая идеальная модель, тогда как в реальной языковой системе имеет место относительная. Даже мыслимые идеальные случаи

[8] «In point of fact, each of Karcevski's publications was conceived by him only as a kind of preview to this ultimate performance — the Book in which he believed to the last days of his life»; «Каждое издание Карцевского задумывалось им лишь как некое предисловие к заключительному акту (ultimate performance) Книги, в которую он верил до последних дней своей жизни» [Jakobson 1956: 9].

[9] «В более отдаленной перспективе Карцевский думал о создании большого синтетического труда — цельного изложения лингвистической концепции, опирающейся на асимметрическое скрещение омонимии и синонимии в семантической структуре любого лингвистического знака. Этот замысел остался неосуществленным» [Поспелов 1957: 48].

не так идеальны. Например, приведенный Достоевским пример Лев Выготский интерпретировал уже иным образом: смысл выражается не столько самим словом, сколько интонацией, и если под означающим понимать комплекс «фонетическое слово + интонация его произнесения», то ситуация парадоксальным образом приблизится к ситуации с бесконечным множеством знаков: каждый из описываемых Достоевским коммуникантов использует создаваемый лично им знак[10]. Антипод подобного языка, искусственный язык, например латынь для анатомии или биологии, в самом деле, говоря словами Карцевского, будет простым собранием этикеток. Но и в случае анатомической латыни ситуация будет отличной, если взглянуть на нее с точки зрения не медика, зубрящего номенклатуру костей, а латиниста, рассматривающего ее как определенную подсистему латинского языка: для него эти термины явятся результатом метафоризации и метонимизации, т. е. проявлением не однозначности, а многозначности.

Схему Карцевского можно переиначить и так: предположим, что оси означающего и означаемого неподвижны, а движется между ними линия, соединяющая точки двух осей. В каждый момент эта линия соединяет по две точки, создавая знак с собственным означаемым и собственными функциями (это будет знак по Фреге, походящий на имя собственное). Тем самым создается некоторый исходный словарь. Использование словарных единиц приводит к их повторному вхождению, но уже применительно к новым ситуациям / контекстам, и здесь будут действовать более сложные отношения (*re-entry*), намеченные в системной теории Лумана (см. ниже). Множество различных употреблений приведет к наложению различных проекций между точками двух осей, а в результате множества точечных соответствий возникает проекция уже и между интервалами. Например, знаку *дядя* в современном русском языке будет соответствовать интервал, заданный двумя точками: *брат матери* и *брат отца* (в отличие от архаичных *вуя* и *стрыя*). К ним присоединяются новые смыслы, которые окажутся расширением исходного значения исходного знака *дядя*.

Поскольку оси рассматриваются в движении, то внутрисистемная динамика знака должна привести к тому, что образуются синонимичные (на оси означающих) и омонимичные (полисемичные) интервалы. Можно также предположить, что подобные пересечения носят неоднократный характер, почему и могут иметь место и разрывы между интервалами (как в примере Карцевского — означающее *рыба* в буквальном значении и в значении ‘флегматик’, между ними не может быть промежуточных значений)[11]. Для описания подобной инерционной динамики Карцевский использует термин «транспозиция». Она определяется им как «имлицитная синтагма», состоящая из знака «транспонированного» и знака «адекватного», которые в совокупности и составляют знак-омоним:

> «[Синонимическая] серия имеет скорее логический характер, так как ее члены мыслятся как разновидности одного и того же класса явлений. Однако число этих членов неопределенно, серия остается всегда открытой: она даже может оставаться виртуальной, но возможность ввести данное значение в какой-либо класс остается в силе.

[10] Ср.: «Можно, как говорит Достоевский, выразить все мысли, ощущения и даже целые глубокие размышления одним словом. Это оказывается возможным тогда, когда интонация передает внутренний психологический контекст говорящего, внутри которого только и может быть понят смысл данного слова. В разговоре, подслушанном Достоевским, этот контекст один раз заключается в самом презрительном отрицании, другой раз — в сомнении, третий — в негодовании и т. д. Очевидно, тогда, когда внутреннее содержание мысли может быть передано в интонации, речь может обнаружить самую резкую тенденцию к сокращению и целый разговор может произойти с помощью одного только слова» [Выготский 1999: 306].

[11] Ср.: «С момента своего существования новое слово представляется знаком, т. е. оно способно обозначать сходные ситуации, оно уже носит родовой характер и включено в синонимический ряд. Предположим, что в разговоре кому-то дали прозвище “Рыба”, тем самым создали омоним для слова “рыба” (случай транспозиции), но в то же время был добавлен новый член к синонимическому ряду: “флегматик, вялый, бесчувственный, холодный” и т. д.» [Карцевский 2004а: 243].

> Именно понятие класса в контакте с конкретной ситуацией становится центром влияния аналогичных значений. Омонимическая серия также остается открытой, в том смысле, что невозможно предвидеть, куда данный знак может быть вовлечен игрой ассоциаций. Однако в каждый конкретный момент мы имеем дело только с двумя звеньями, которые относятся друг к другу как знак транспонированный к знаку "адекватному" и связаны посредством *tertium comparationis*» [Карцевский 2004а: 242].

Карцевский предполагает также и возможность разрыва проекции между означающим интервалом-означаемым; это будет случай автономизации не только того или иного значения, но и знака:

> «Главное в каждой транспозиции — это как раз несоответствие, которое существует между постоянным, "адекватным", значением и случайной функцией, несоответствие, которое поддерживается до тех пор пока психологическая связь, tertium comparationis, существует. Но как только обозначенный факт превращается в автономное понятие, имеющее свое собственное место в системе понятий, ему становится не нужно другое понятие ⟨…⟩ Связь разрывается, каждое из двух понятий непосредственно соединяется со своим знаком. Перед нами два знака, которые в фонологическом плане представляют два означающих и в то же время два независимых омофона» [Карцевский 2004б: 57].

Отсюда интересное следствие применительно к семантическим неологизмам: невозможно изобрести **новое слово** — можно только два: «старое», мотивирующее слово все еще продолжает жить в «новом», мотивированном[12].

3. Принцип дифференциации как основа семиозиса

Для адекватного развития идей Карцевского представляется необходимым еще одно уточнение его схемы. В концепции Хрисиппа — Фреге означаемое и означающее связаны некоторым отношением, который Фреге называет смыслом. Поскольку Фреге ограничивает рассмотрение рамками имен собственных, то смысл у него сводится к способу указания на некий сингулярный объект. В случае общих имен может возникнуть новая дихотомия — между смыслом (концептом) и референтом (классом объектов), при котором смысл в сочетании с контекстом приведет к выделению из класса сингулярного объекта. Безусловно, под осью **означаемого** следует понимать множество смыслов, концептов, а не референтов (значений). Схема Карцевского воспроизводит скорее дихотомию Соссюра: **фонетический образ — концепт**. Но тогда возникает вопрос: что же соединяет их, и требуется ли для этого нечто третье, как у Фреге, у которого способ указания, то есть некоторое отношение, реифицируется как **смысл** знака.

Рискнем предложить ответ, которого нет у классиков, но который можно предположить, основываясь на некоторых идеях Лумана применительно к понятию знака у Соссюра.

Третий член не потребуется, если допустить, что как фактор ассоциации означаемого с означающим выступают не конвенции, существующие в данном языковом коллективе; эти конвенции лишь оформляют и закрепляют внутрисистемное отношение взаимного притяжения, позволяющего соединить означаемое с означающим. Таким фактором

[12] «Если мы отмечаем перемещение границы между семой и морфемой внутри слова, что часто происходит в детской этимологии, например, **Мама**gei, **пап**онт и т. д., то это возможно только потому, что в языке существуют такие слова, как **Papa**gei и **мам**онт, которые также оказываются затронутыми смещением координат. Можно было бы утверждать, что нельзя создать одно-единственное слово и что создается как минимум два слова сразу одновременно» [Карцевский 2004а: 240].

является дифференциация: чтобы быть отличным от другого смысла, и означаемое, и означающее должны принять некоторую знаковую форму. И напротив, звуковая форма, чтобы стать означающим, отличным от другого означающего, должна соединиться с некоторым смыслом. Если предположить такое понимание отношения между означаемым и означающим, оно может послужить как промежуточное звено, позволяющее понять, как можно в лингвистических терминах описать «столкновение» между означаемым и означающим и их «стремление» выйти за пределы навязанных им *рамок*.

Хотя в прямой форме эта мысль у Карцевского не содержится, тем не менее нетрудно убедиться, что явление асимметричного дуализма (*виртуальное* состояние синонимии и омонимии одновременно) он связывал именно с развитием идей Соссюра о дифференциации как основе семиозиса:

> «Две стороны одного и того же общего принципа, который мог бы быть, очень не точно, сформулирован следующим образом: всякий лингвистический знак виртуально является омонимом и синонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к серии транспонированных значений какого-то знака и к серии аналогичных значений, но выраженных иными знаками. В этом сказывается всего лишь логическое следствие, вытекающее из дифференцирующего характера знака, а лингвистический знак должен неизбежно быть дифференцирующим, иначе он ничем не отличался бы от сигнала» [Карцевский 2004а: 241–242].

Вместе с тем Карцевский принимает идею Соссюра с оговорками. В статье об асимметричном дуализме он воспроизводит сказанное им ранее на первых же страницах «Системы русского глагола»:

> «В введении к нашей “Системе русского глагола” мы говорили следующее: “Стало обычным утверждение, что лингвистические значимости существуют только в силу своего противоположения друг к другу. В такой форме эта идея приводит к абсурду: дерево является деревом, потому что оно не является ни домом, ни лошадью, ни рекой ⟨…⟩ Чистое и простое противоположение ведет к хаосу и не может служить основанием для системы. Истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия. Мыслимые явления образуют ряды, основанные на общем элементе, и противополагаются только внутри этих рядов ⟨…⟩ Таким образом, оправдывается и становится возможной омофония, когда две значимости, принадлежащие двум различным рядам, ⟨…⟩ оказываются обладающими одним звуковым знаком”» [Карцевский 2004б: 40].

Насколько правомерна полемика Карцевского? Как нам кажется, Карцевский имеет в виду несколько иные аспекты знака, чем Соссюр. Безусловно, Карцевский не мог знать об оставшихся в рукописи заметках Соссюра, опубликованных только в 1990-х. В них можно найти предложенное выше понимание дифференциации означаемых и означающих как силы, позволяющей выделить языковой знак: «Два отрицательных аспекта — всеобъемлющая система различий, которая действует для вокальных фигур в сочетании с всеобъемлющей системой различий, образующих значения, которые могут быть связаны между собой» [Saussure 2006: 13].

Эта мысль получит последовательное развитие в системной теории Лумана. Соссюровское противопоставление формы и субстанции он заменяет дихотомией формы и медиума, где форма характеризуется исключительно отличиями. Применительно к знаку, как бы продолжая процитированную выше идею черновой рукописи Соссюра «Двойная сущность языка», Луман так поясняет Соссюра:

> «Таким образом, язык обладает некой чрезвычайно выделяющейся *формой*. Как форма с двумя сторонами она задается различением *звука* и *смысла.* При этом (как и во всех случаях форм) имеется некая сгущенная взаимосвязь отсылок друг к другу с обеих сторон — так что при том, что звук не является смыслом, он все-таки этим

> своим не-бытием *определяет* то, о каком смысле говорится в тот или иной момент. И наоборот, при том, что он не *есть* звук, смысл тем не менее *определяет* то, какой звук должен выбираться в тот или иной момент, когда проговаривается соответствующий смысл» [Луман 2011: 229].

И Соссюр, и особенно Луман подчеркивают сугубо негативные характеристики означаемого и означающего, причем доводя до той степени, что Карцевский считал абсурдом: означаемое «дерево» есть то, что отличает его от означаемого «река», «дом» и т. д. Луман апеллирует к Соссюру: «Соссюр уже пришел к такому заключению. Согласно его теории, *означаемое* и *означающее* являются необходимыми компонентами языковой единицы, то есть знака. Они различаются не ввиду их природы или сущности, а исключительно как компоненты подобного различения. Одно не может существовать без другого» [Luhmann 1999: 50]. Так, различие между профессором и студентом — это различие между двумя лексемами, и нет возможности установить, какие отличия соответствуют им во внешнем мире, есть лишь диктуемое языком требование отличать их друг от друга [Luhmann 2006: 39]. Референция языкового знака ограничивается отношением между означаемым и означающим и поглощается им:

> «В отношении означающего к означаемому выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма (и только ее следует называть *знаком*), напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различение и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве ⟨…⟩ Вопреки распространенному предположению, они не служат “репрезентации” фактов внешнего мира внутри системы. Напротив, различение между означающим и означаемым является внутренним различением, которое не предполагает, что обозначаемое существует во внешнем мире» [Луман 2011: 224].

Представляется продуктивнее не противопоставлять Лумана и Карцевского, а наоборот, попытаться понять логику, приводящую к полярности точек зрения. Можно предложить следующее объяснение: Карцевский и Луман по-разному развивают главную идею Соссюра: Луман рассматривает именно отдельный знак как форму, образованную различием между означаемым и означающим, Карцевский же исходит из наличия скользящих осей, некоторых омонимических и синонимических рядов, внутри которых и происходит выделение того или иного элемента, но без того, чтобы были отсечены его связи с другими. Это особенно наглядно, когда Карцевский обращается к примерам транспозиции и «новых слов» (см. выше), из которых явствует, что понятие знака мыслится им как имплицитное синтагматическое отношение. Развивая идеи Соссюра и предвосхищая Ельмслева и Лумана (а также, видимо, полемизируя с коллегами по Пражскому лингвистическому кружку), Карцевский выдвигает концепцию первичности отношения, а не объектов:

> «В языковой системе нет субстанции. Вместо того чтобы повторять, как это принято делать, что там, где есть отношения, должны быть и “вещи”, между которыми эти отношения установлены, нам хотелось бы утверждать обратное: здесь есть “вещи”, стало быть есть и отношения, так как “вещи” являются результатом отношений. Представление субстанции возникает только в связи с фактами, которые чужды данной системе, но которые и ограничивают ее функционирование, таковы отношения между физической стороной звука и психическим содержанием нашего сознания» [Карцевский 2004б: 69].

Карцевский, видимо, не считал достаточно разработанной свою интерпретацию Соссюра, тем более что она расходилась с той, что была дана его учителями, Альбером Сеше и Шарлем Балли. Поэтому он не воспроизводит в статье 1929 г. то, что он наметил во «Введении» к монографии о русском глаголе. Когда Карцевский, полемизируя с Соссюром, говорит о невозможности абсолютизации принципа дифференциации

и необходимости учета и общностей между языковыми сущностями, он не имеет в виду тривиальное положение о том, что для выделения различий между двумя объектами необходимо их сопоставить как нечто входящее в единый класс и тем самым обладающее чем-то общим. Эта логика действует только если считать, что «вещи» порождают отношения. Но с этим как раз и спорит Карцевский. Поэтому общность у него оказывается результатом комплексности, одновременного наличия сразу нескольких отношений. Не только транспонированный, но и любой языковой знак есть комплекс отношений, которые и формируют его означаемое и означающее: «В семиологической системе знак неизбежно имеет дифференцирующий характер; это значит, что он включает элемент-различитель в серии явлений, базирующийся на едином для них, идентичном, а следовательно, общем характере» [Там же: 40]. Общность, на основе которой возможна дифференциация, оказывается не внутри парадигмы, как некоторый инвариант, а как результат семиотической многомерности и наличия точек пересечения между различными его характеристиками-отношениями:

> «Из дифференциальной природы знака вытекает тот факт, что различные значения могут в различных сериях иметь знаки-омофоны. Слово в силу своих категорий (число, род, падеж и т. д.) представляет собой пересечение различных комплексов, поэтому вполне возможно, что один и тот же элемент звучащего слова участвует как знак в нескольких сериях и тем самым оказывается носителем нескольких значений» [Карцевский 2004б: 43].

Не только «новое слово» рассматривается Карцевским как сочетание двух знаков, но и любое слово предстает как комплекс: «“Смысл” какого-либо слова — это синтез “частичных” значений, группировка которых и составляет слово» [Там же: 44]. Тем самым Карцевский не только предвосхищает весьма продуктивную теорию блендинга, но и предлагает ее радикальный вариант: это не особые случаи словоупотребления, а внутрисистемная характеристика языкового знака. Это может быть применено даже к семантически далеко отстоящим омонимам: единство означающего *рыба* удерживает означаемые в границах «единознаковости», и это относится не только к метонимической ‘пище из рыбы’ и метафорическим ‘вялым холодным людям’, но и к таким как ‘сделано (собрано, соединено) для обмана’ (по словарю Ожегова) и к не отмеченным в этом же словаре значениям ‘предварительный текст’ или же ‘особая позиция в домино’.

Завершающая «Введение» мысль о том, что «лингвистический механизм функционирует в целях создания равнозначности между концептуальной дифференциацией и звуковой дифференциацией» [Карцевский 2004б: 60] может быть понята по-разному — в зависимости от того, что понимать под «равнозначностью». Но очевидно, что она не есть тривиализация идеи Соссюра, а ее последовательное развитие, и это помогает понять вышеприведенную мысль о том, что «истинная дифференциация предполагает одновременные сходства и различия», ср. [Steiner 1981: 442]. Так, «равнозначность» можно понимать как отношение «быть одним и тем же знаком». Дифференциация, отношение отличия внутри означающего *человек — люди*, с одной стороны, сопровождается симметричным отношением отличия на уровне означаемых (*один — более чем один*). С другой стороны, она не приводит к созданию нового знака, поскольку уравновешивается асимметричным концептуальным тождеством означаемого. Однако это тождество служит основанием для нового различения. Здесь стоит вновь привести мысль Карцевского о том, что транспозиция есть потенциальная синтагма: означаемое *человек* синонимично синтагме «один человек», тогда как *люди* — синтагме «более чем один человек». Вместе с тем концептуальная дифференциация, например по полу и возрасту, приведет к новой серии означаемых (*человек + мужской*, *человек + женский*, *человек + молодой + мужской*), которая породит серию означающих: *человек — мужчина — женщина — ребенок — юноша — старик*, между которыми уже не будет какого-либо отношения фонетического подобия. Однако оно возникнет, если найти для этих новообразованных знаков их синонимы-перифразы.

Так, означаемое слова *женщина* есть синтагма, включающая само означаемое: *женщина*: *человек* + *женщина*; аналогично *старик*: *человек* + *мужчина* + *старик*.

Как видим, можно предложить такое понимание знака, при котором он предстает не только как отношение между означаемым и означающим, но и как многомерная синтагма, комплекс, «пересечение» серий означаемого и означающего:

> «Лингвистический знак в своей внутренней структуре соответствует пересечению координат разной степени обобщения в зависимости от семиологического плана, к которому он относится» [Карцевский 2004а: 240].

Исходя из подобного представления могут быть операционализированы **рамки** знака, за которые он может выйти, т. е. собственно знак и **собственная** функция означающего. Интерес Карцевского к транспозиции оставляет в стороне вопрос: а что есть собственно «адекватный знак», относительно которого происходит смещение. В принципе, динамическая реляционная картина может и не допускать возможности провести разграничение между **собственным**, **«адекватным» значением** и **случайной функцией**. Тем не менее очевидно, что некоторые из значений а) менее зависят от контекста; б) служат как мотивирующие для других и в) обладают различной вероятностью. Как правило, хотя и не всегда, эти три признака совпадают. Поэтому даже при динамической ситуации следует предположить, что есть некоторое исходное состояние. Применительно к схеме Карцевского можно предположить, что это те ситуации, когда для каждого из планов используется минимальное количество осей. Например, при означаемом *человек* собственными рамками знака явится ситуация (*человек* + *0*), в отличие, например, от значения (*человек* + *официант*). Для означаемого *женщина* — ситуация (*женщина* + *0*), в отличие от означаемого *баба* (*женщина* + *X*). Подобная операционализация есть и одновременная релятивизация, она определяется относительно некоторых контекстов, которые принимаются как исходные. Например, в случае означающего *рыба* это будет значение ‘позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами’, поскольку для всех остальных значений потребуется ввести дополнительные параметры: семантические (*рыба* + *еда*), сочетаемостные (*рыба* + глагол *подсунули*) или контекстуальные (*рыба* + ситуация *игра в домино*). Но в случае слова *хамелеон* подобное «зоологизирующее» решение будет не столь очевидным, здесь уместно вспомнить о вероятностной модели значения Василия Налимова [1979], поскольку значение, которое принято считать переносным, видимо, стало основным. Учитывая, что у Карцевского отсутствует единый термин для ситуации, рассматриваемой как исходная, а предлагаемые им синонимы не столь удачны, можно предложить, основываясь на его же концепции транспозиции, обратный ей термин «диспозиция».

Что касается намеченного, но непроясненного Карцевским указания на *рамки* знака (*диспозиции*) и выхода за эти *рамки*, то это явление может получить интересное объяснение посредством предложенного Луманом понятия комплексности[13], а также призванного дополнить дихотомию языка и речи разграничения между событием и структурой[14]. Это неожиданным образом позволяет снять дихотомию между синхронией и диахронией:

---

[13] Предпосылки для лумановского понятия комплексности и формы также можно увидеть в неопубликованных заметках Соссюра: «Форма = не *положительная* упорядоченная сущность, или просто порядок, но сущность как *отрицательная*, так и *комплексная* (лишенная какой-либо материальной основы), рожденная на *различиях*, порожденных *различиями* от другой формы, В КОМБИНАЦИИ с *различиями* значений других форм» [Saussure 2006: 19] (перевод наш, заглавные буквы и курсив воспроизводят оригинал. — *С. З.*). О слове как комплексе отношений говорит и Карцевский [2004б: 43].

[14] Другой инновацией оказывается переосмысление Луманом дихотомии Соссюра «язык — речь», для чего используется разграничение формы и медиума: «Оно заменяет или, по крайней мере, дополняет соссюровское различение между “langue” [язык] и “parole” [речь]. Это различение

> «Комплексность, если ее разложить во временном измерении, представляется не только в виде временной последовательности различных состояний, но и, кроме того, в виде одновременности уже установившихся и еще не установившихся состояний» [Луман 2011: 148].

Если эту идею перенести на схему Карцевского, то тем самым мы придадим ей многомерность: на ней одновременно может быть представлено несколько возможных состояний, характеризующих различные отношения дифференциации между а) означаемым и его означающими; б) означающим и его означаемыми. Асимметричный дуализм языкового знака, будучи рассмотренным в многомерном пространстве возможных сигнификаций (отношений *означаемое — означающее*), приводит к ситуации, когда семантическая структура знака оказывается потенциально бесконечной и в этом отношении изоморфной языку в целом[15]. Тем самым при таких дополнениях подтверждается возможность интерпретировать принцип асимметричного дуализма языкового знака как возможность его бесконечной омонимии и синонимии: каждый знак потенциально может выражать любое значение, омонимичное самому себе и синонимичное какому-либо другому знаку, или, воспроизводя Карцевского, «всякий знак является виртуально “омонимом” и “синонимом”» [Карцевский 2004а: 239].

Заключение

Попытаемся наметить возможные перспективы развития концепции асимметричного дуализма языкового знака. Она может привести к новым принципам семантико-синтаксического описания. Существующие модели исходят из принципа симметричного дуализма, пытаясь привести к этой форме даже явные случаи асимметрии (например, авторские метафоры или косвенные речевые акты). Однако существуют и «асимметричные» подходы и процедуры; они достаточно хорошо разработаны в поэтической семантике. Неслучайно идеи Карцевского применялись в первую очередь к рассмотрению поэтического языка [Mukařovský 1977; Steiner 1981; 1982], также [Лотман 2018] со ссылкой на Яна Мукаржовского, в то время как в теории языка подобная попытка [Скаличка 1967] не получила серьезного развития. Однако и само зарождение этой теории могло быть навеяно трудами коллег Карцевского из ОПОЯЗа, весьма близких к Московскому лингвистическому кружку. Даже не имея тому биографических подтверждений, можно указать на достаточно близкие идеи, высказанные опоязовцами ранее появления статьи Карцевского. Так, динамическое понимание языкового знака было представлено в семантической теории поэтического языка Юрия Тынянова. В разделе, посвященном лексической семантике, Тынянов предлагает концепцию, которую можно охарактеризовать как «радикальный контекстуализм»: «Слово не имеет одного определенного значения. Оно — хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [Тынянов 1924: 48]. Значение возникает как результат взаимодействия различных смыслов внутри

можно обобщить в различение структуры и события. Тогда-то мы и поймем, что ему не хватает как раз того, что дает системная теория, а именно — выработки объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Различение медиум / форма как раз и заполняет это срединное царство. Оно равно предполагает способные к сцеплению элементарные события (paroles), как и необходимость структурированного языка — для проведения этого сцепления и его варьирования, сообразного моменту» [Луман 2011: 216].

[15] Данная характеристика может быть соотнесена с внутренней связностью семантического пространства языка, поскольку между двумя любыми словами максимум за шесть шагов можно найти общие семантические элементы [Караулов 1976].

целого, будь то отдельное слово, предложение или текст. Формулировка Тынянова, данная им применительно к понятию героя как фактору поэтической семантики, прекрасно подошла бы к характеристике знака по Карцевскому: «…вместо знака статической целости над ним стоит знак динамической интеграции, целостности» [Тынянов 1924: 9]. Еще ближе к концепции Карцевского оказываются идеи Б. А. Ларина, который в 1919 г. входил в ОПОЯЗ[16]. Он описал схожее явление применительно к поэтической речи, охарактеризовав его как стремление к тотальной *сходнозвучности* и *сходнозначности*, то есть омонимии и синонимии [Ларин 1974]. И именно многомерность (семантическая осложненность, многократность) образуемых семантических структур рассматривалась им как особенность поэтической речи[17].

Эти достаточно вольно изложенные идеи Карцевский привел в соответствие с наиболее перспективными на тот момент лингвистическими теориями, тем самым сделав их фактом не только поэтики, но и семиотики языка. Однако их дальнейшее развитие уже внутри лингвистики не состоялось, поскольку не привело к соответствующим методам описания. Осталась нереализованной и возможность такой перспективы, как синтез моделей сигнификации и коммуникации [Steiner 1981: 429], и, тем самым, возможность совмещения структурных и коммуникативных моделей семантического синтаксиса. Видимо, предполагается, что динамическая многомерность языкового знака — явление потенциальное, характеризующее некоторое идеальное состояние языковой системы и которое не актуализируется в речи, за исключением особых модусов употребления языка (поэтическая речь, игра слов, обмолвки и т. п.). Применительно же к остальным случаям семантико-синтаксические описания исходят из того, что различные механизмы снятия многозначности, семантического согласования, импликатур и др. приводят к тому, что указанная Карцевским как общая характеристика знака семиотическая асимметрия существует в языке, а не в речи: лексические единицы, многозначные в языке, в предложении должны иметь только одно из возможных значений. Между тем и не только в поэтической речи, широко распространено явление, когда обязательным оказывается одновременное выражение нескольких значений (коннотация, мемы, блендинг, каламбур, клички, ругательства, крылатые выражения и т. п.). Динамический подход к понятию знака, в данном случае рассмотрение осей означаемого и означающего как находящихся в движении, позволяет если не оспорить, то, по крайней мере, уточнить два общепринятых положения: 1) что слово многозначно в системе языка, но однозначно в речи; 2) что контекстуализация значения происходит за счет правил семантического согласования.

Как уточнение к первому положению этот механизм семантизации можно, расширяя предложенное В. П. Григорьевым [1977] понятие паронимической аттракции, назвать семантической аттракцией [Золян 2022а], а применительно ко второму — механизмом семантической устойчивости. Если от лексического уровня перейти к следующим, где

[16] См. газету «Жизнь искусства» (№ 273 от 21 октября 1919 г.; http://www.opojaz.ru/main/aboutopojaz.html (дата обращения: 29.06.2022), а также электронную копию самого выпуска газеты на сайте РНБ: https://vivaldi.nlr.ru/pn000116158/view/ (дата обращения: 29.06.2022).

[17] Ср.: «Сопоставление омонимов имеет результатом обособление знаковых речевых представлений, как условно и произвольно связанных со “значением” (семантическим представлением), — оно заставляет искать ещё какого-то смысла омонимической комбинации, связующего несоизмеримые значения сходнозвучных “слов”, и этим ведет к семантической напряженности. Двусмысленность и многосмысленность, нетерпимые и избегаемые в практической разговорной речи, эстетически утилизуются, выискиваются поэтами. “Метафора” именно как двоезначимость (одновременное представление двух значений) необходима в лирической речи. Но это только простейшее, легче всего наблюдаемое явление поэтической семантики. Лирика в большинстве случаев дает не просто двойные, а многорядные (кратные) смысловые эффекты; эти ряды значений не равно отчетливы и не одинаково постоянны. Потенциальность этих семантических рядов ⟨…⟩ и дает повод к утверждению о неограниченной, произвольной множественности истолкований ее» [Ларин 1974: 66].

описывается взаимодействие лексических единиц внутри синтаксических групп, то можно наряду с существующими моделями, описывающими процедуры снятия многозначности посредством обращения к контексту, предложить и противоположный подход, который исходит того, что контекст не снимает многозначность, а индуцирует ее. В поэтике, начиная по крайней мере с вышеупомянутой работы Тынянова, можно найти многочисленные конкретные образцы такого анализа, который не предполагает выбор одной из возможных семантических репрезентаций, а нацелен на как можно более полную экспликацию смысловых структур предложения и текста, рассматриваемых как единый и целостный комплекс.

Множественность возможных смысловых конфигураций требует определенного структурирования, семантической гармонизации, и согласование — лишь ее простейшее проявление. Уместно в качестве аналогии привести заимствуемое из области теоретической механики понятие устойчивости [Золян 2014: 224–232]. При решении систем уравнений, имеющих бесконечное множество решений, нет ни необходимости, ни возможности вычислить все из них: достаточно вычислить некоторые предельные значения, к которым стремятся все остальные. Эти предельные значения называются устойчивыми — они характеризуют механическую систему относительно ее точек устойчивости. Например, описывающая колебания маятника система уравнений имеет бесконечное число решений, но достаточно привести только два — характеризующее маятник в состоянии покоя и в состоянии равномерного движения. Это и есть точки устойчивости маятника, значения, к которым стремятся все остальные. По сути, такое же решение, как и в случае маятника, в свое время предлагал и Б. А. Ларин. Выделяя прямое и «иносказательное» значения, он подчеркивал: «Двоегранность смысла — только один из типов обнаружения пределов, между которыми местятся многие понимания» [Ларин 1923: 156]. Разумеется, возможно выделение более чем двух значений: их может быть столько, сколько может быть синонимичных перифраз. Синонимы будут выступать как средство выделить те возможные значения, которые могут быть приписаны **омонимам** (многозначным означающим); образец подобного описания в свете теории Карцевского см. в [Золян 2022б]. Возможны и другие методики описания[18].

Что касается обратных процессов, т. е. случаев транспонирования некоторой целостной структуры означаемых в отличные от исходной структуры различные означающие, то они изучены намного лучше: начиная с Шлейермахера [2000] многочисленные теории перевода, в том числе и внутрилингвистического [Якобсон 1978], детально описывают условия и пределы переводимости / непереводимости. Не вдаваясь в обсуждение тех или иных подходов, в данном случае главным представляется то, что они демонстрируют зримые результаты продуктивности возможности перенесения принципа асимметричного дуализма языкового знака с изолированной единицы (слова) на семантические многомерные комплексы (тексты), рассматриваемые как «знаки динамической интеграции, целостности», что предполагает разработку принципиально новых механизмов семантического синтаксиса и лингвистики текста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Достоевский 2011 — Достоевский Ф. М. *Дневник писателя*. В 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36.6, 2011.

Фрагменты 1999 — *Фрагменты ранних стоиков.* Т. 2: *Хрисипп из Сол.* Ч. 1: *Логические и физические фрагменты*. Пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999.

[18] Выделение подобных «синонимо-омонимов» может основываться не только на внутрисистемных, но и на интертекстуальных связях, например: *...и поняли мы, / Что мы на пиру в вековом прототипе — / На пире Платона во время чумы* (Б. Пастернак), где поясняется, какие именно «прототипические» значения принимает слово «пир».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Витгенштейн 1958 — Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung* / *Tractatus logico-philosophicus.* London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1922. Transl. into Russian by I. Dobronravov and D. Lakhuti.]

Волошинов 1930 — Волошинов В. Н. *Марксизм и философия языка*. Л.: Прибой, 1930. [Voloshinov V. N. *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and philosophy of language]. Leningrad: Priboi, 1930.]

Выготский 1999 — Выготский Л. С. *Мышление и речь*. М.: Лабиринт, 1999. [Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Moscow: Labyrinth, 1999.]

Григорьев 1977 — Григорьев В. П. Паронимия. *Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия*. Григорьева А. Д. (отв. ред.). М.: Наука, 1977, 186–239. [Grigor'ev V. P. Paronymy. *Yazykovye protsessy sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury. Poeziya*. Grigor'eva A. D. (ed.). Moscow: Nauka, 1977, 186–239.]

Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. *Новое в лингвистике.* Вып. 1. М.: Прогресс, 1960, 264–389. [Hjelmslev L. *Prolegomena to a theory of language.* Baltimore: Indiana Univ., 1953. Transl. into Russian.]

Золян 2014 — Золян С. Т. *Семантика и структура поэтического текста*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: УРСС, 2014. [Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a poetic text]. 2nd edn., revised and enlarged. Moscow: URSS, 2014.]

Золян 2022а — Золян С. Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине. *Иностранные языки в высшей школе*, 2022, 2(61): 15–22. [Zolyan S. T. Asymmetrical dualism of linguistic sign as a political tool: Metamorphoses of a French fantasy writer in Ukraine. *Foreign Languages in Tertiary Education*, 2022, 2(61): 15–22.] http://doi.org/10.37724/RSU.2022.61.2.002.

Золян 2022б — Золян С. Т. Смыслотворчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2022, 1: 82–91. [Zolyan S. T. Meaning creation and its linguistic mechanisms: Semantic attraction. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2022, 1: 82–91.] http://doi.org/10.31912/pvrli-2022.1.9.

Караулов 1976 — Караулов Ю. Н. *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976. [Karaulov Yu. N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka, 1976.]

Карцевский 2004а — Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака. *Из лингвистического наследия.* Карцевский С. И. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004, 239–245. [Kartsevskii S. I. On the asymmetric dualism of linguistic sign. *Iz lingvisticheskogo naslediya.* Kartsevskii S. I. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004, 239–245.]

Карцевский 2004б — Карцевский С. И. Система русского глагола. *Из лингвистического наследия.* Карцевский С. И. Т. II. М.: Языки славянских культур, 2004, 31–208. [Kartsevskii S. I. System of Russian verb. *Iz lingvisticheskogo naslediya.* Kartsevskii S. I. Vol. 2. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004, 31–208.]

Кузнецов 2010 — Кузнецов В. Г. *Научное наследие Женевской лингвистической школы*. М: Знак, 2010. [Kuznetsov V. G. *Nauchnoe nasledie Zhenevskoi lingvisticheskoi shkoly* [Academic heritage of Geneva School of Linguistics]. Moscow: Znak, 2010.]

Курилович 1962 — Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. [Kuryłowicz J. *Ocherki po lingvistike* [Essays in linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1962.]

Ларин 1923 — Ларин Б. А. О «Кипарисовом ларце». *Литературная мысль.* Вып. 2. Пг.: Мысль, 1923, 149–158. [Larin B. A. About the "Cypress Casket". *Literaturnaya mysl'*. No. 2. Petrograd: Mysl', 1923, 149–158.]

Ларин 1974 — Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи (семантические этюды). *Эстетика слова и язык писателя: Избранные статьи*. Ларин Б. А. Л.: Художественная литература, 1974. [Larin B. A. Lyric poetry as a variety of artistic language (semantic etudes). *Estetika slova i yazyk pisatelya: Izbrannye stat'i.* Larin B. A. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1974.]

Лотман 2018 — Лотман Ю. М. Ян Мукаржовский — теоретик искусства. *О структурализме. Работы 1965–1970 годов*. Лотман Ю. М. (авт.), Пильщиков И. А. (ред.). Таллин: Изд-во ТЛУ, 2018, 356–389. [Lotman Yu. M. Jan Mukařovský as an aesthetician. *O strukturalizme. Raboty 1965–1970 godov.* Lotman Yu. M. (author), Pilshchikov I. A. (ed.). Tallinn: TLU Press, 2018, 356–389.]

Луман 2011 — Луман Н. *Общество общества*. Кн. 1: *Общество как социальная система.* Кн. 2: *Медиа коммуникации.* Кн. 3: *Эволюция.* М.: Логос, 2011. [Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1997. Transl. into Russian.]

Налимов 1979 — Налимов В. В. *Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1979. [Nalimov V. V. *Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennykh i iskusstvennykh yazykov* [Probabilistic model of language. On the relationship between natural and artificial languages]. 2nd edn., revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1979.]

Поспелов 1957 — Поспелов Н. С. О лингвистическом наследстве С. Карцевского. *Вопросы языкознания*, 1957, 4: 46–56. [Pospelov N. S. On S. Karcevski's linguistic heritage. *Voprosy Jazykoznanija*, 1957, 4: 46–56.]

Скаличка 1967 — Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц. *Пражский лингвистический кружок*. Кондрашов Н. А. (ред.). М.: Прогресс, 1967, 119–127. [Skalička V. Asymetrický dualismus jazykových jednotek. *Naše řeč*, 1935, 19: 296–303. Transl. into Russian.]

Соссюр 1916/1977 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 31–273. [De Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916. Transl. into Russian.]

Суровцев 2016 — Суровцев В. А. О соотношении категорий to lekton в философии стоиков и Sinn в семантической теории Г. Фреге. *SCHOLE. Философское антиковедение и классическая традиция*, 2016, 10(2): 452–470. [Surovtsev V. A. On the relationship between the categories *to lekton* in Stoicism and *Sinn* in G. Frege's semantic theory. *SCHOLE. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*, 2016, 10(2): 452–470.]

Тынянов 1924 — Тынянов Ю. Н. *Проблема стихотворного языка*. Л.: Academia, 1924. [Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The problem of poetic language]. Leningrad: Academia, 1924.]

Фужерон И., Фужерон Ж. 2018 — Фужерон И., Фужерон Ж. О чем рассказывают архивы (из переписки С. И. Карцевского). *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2018, 3(17): 244–320. [Fougeron I., Fougeron J. What the archives tell: From S. Karcevski's correspondence. *Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2018, 3(17): 244–320.]

Шлейермахер 2000 — Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. *Вестник МГУ, Сер. 9: Филология*, 2000, 2: 127–145. [Schleiermacher F. D. E. On different methods of translation. A lecture given at June 24, 1813. *Vestnik MGU, Seriya 9: Filologiya*, 2000, 2: 127–145.]

Якобсон 1978 — Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.* Комиссаров В. Н. (ред.). М.: Международные отношения, 1978, 16–24. [Jakobson R. O. On linguistic aspects of translation. *On translation.* Brower R. A. (ed.). Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1959. Transl. into Russian.]

Cresswell 1972 — Cresswell M. J. The world is everything that is the case. *Australasian Journal of Philosophy*, 1972, 50(1): 1–13.

Hirschkop 2019 — Hirschkop K. Saussure and the Soviets. (S. I. Kartsevskii, G. O. Vinokur, L. Iakubinskii). *Linguistic Turns, 1890–1950: Writing on Language as Social Theory.* Hirschkop K. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019, 105–127. https://doi.org/10.1093/oso/9780198745778.003.0004.

Jakobson 1956 — Jakobson R. O. Serge Karcevski (August 28, 1884 — November 7, 1955). *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 1956, 14: 9–13.

Jakobson 1962 — Jakobson R. O. Retrospect. *Selected writings.* Jakobson R. O. Vol. 1: *Phonological studies*. The Hague: Mouton, 1962, 631–658.

Luhmann 1999 — Luhmann N. Sign as form. *Problems of form.* Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 46–63.

Luhmann 2006 — Luhmann N. System as difference. *Organization*, 2006, 13(1): 37–57.

Mukařovský 1977 — Mukařovský J. On poetic language. *The world and verbal art: Selected essays by Jan Mukařovský*. New Haven: Yale Univ. Press, 1977, 1–64.

Pila 2011 — Pila M. S. Karcevskij on the asymmetrical dualism of the linguistic sign. *Cahiers de linguistique et des sciences du langage (l'ILSL)*, 2011, 31: 153–165.

Saussure 2006 — de Saussure F. *Writings in general linguistics.* Bouquet S., Engler R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

Steiner 1981 — Steiner P. Defense of semiotics: The dual asymmetry of cultural signs. *New Literary History*, 1981, 12(3): 415–435.

Steiner 1982 — Steiner P. The semiotics of literary reception. *The structure of the literary process: Studies dedicated to the memory of Felix Vodicka.* Steiner P., Červenka M., Vroon R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1982, 503–520.

Получено / received 31.05.2022 *Принято / accepted 22.11.2022*

Вопросы языкознания
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 31.01.2023 Дата выхода в свет 14.02.2023
Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 15,5 Тираж 250 экз. Зак. 5/1а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

16+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1